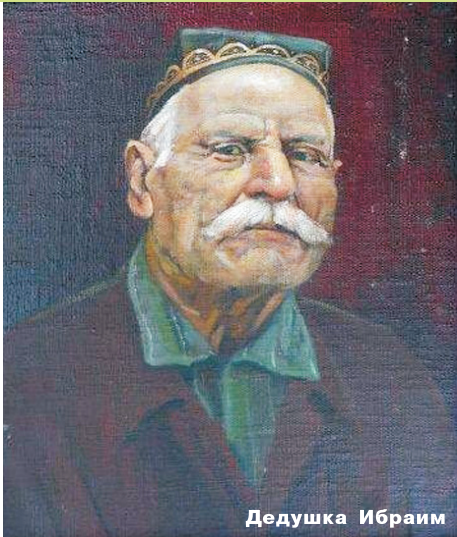
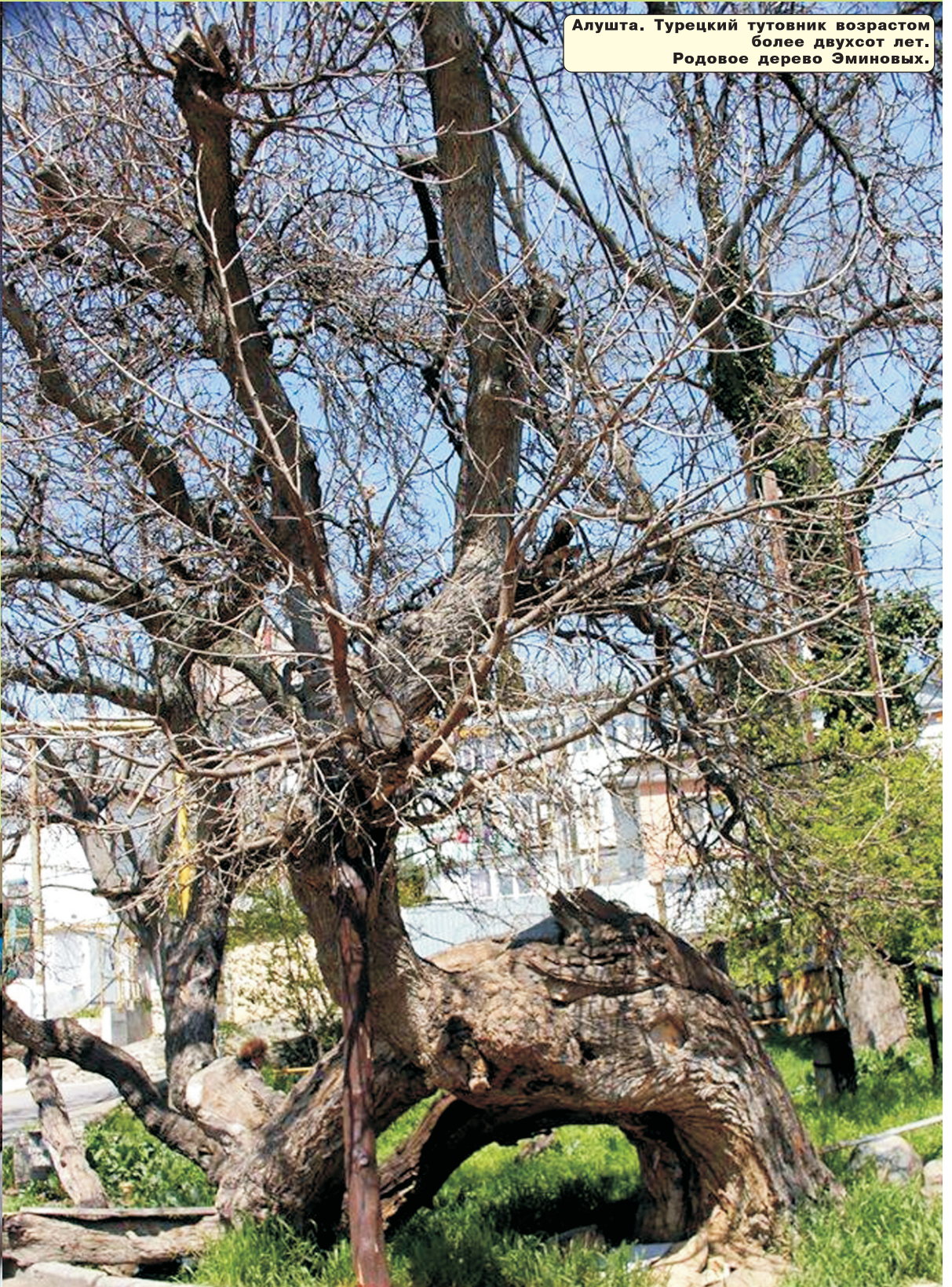

*Кто говорил мне о тебе, они давно в могилах.
Лишь ты одно хоть и согбенно... но живешь...стоишь.
Каким событиям свидетелем ты было,
Какие тайны ты еще в себе хранишь?*

Дедушка Ибраим

Алушта. Турецкий туювник возрастом более двухсот лет. Родовое дерево Эминовых.

*С улыбкой грустной на лице
Я вспоминаю об отце,
Его тернистую дорогу.
И сам стараюсь понемногу
Заветам следовать отца
И не терять нигде лица.*

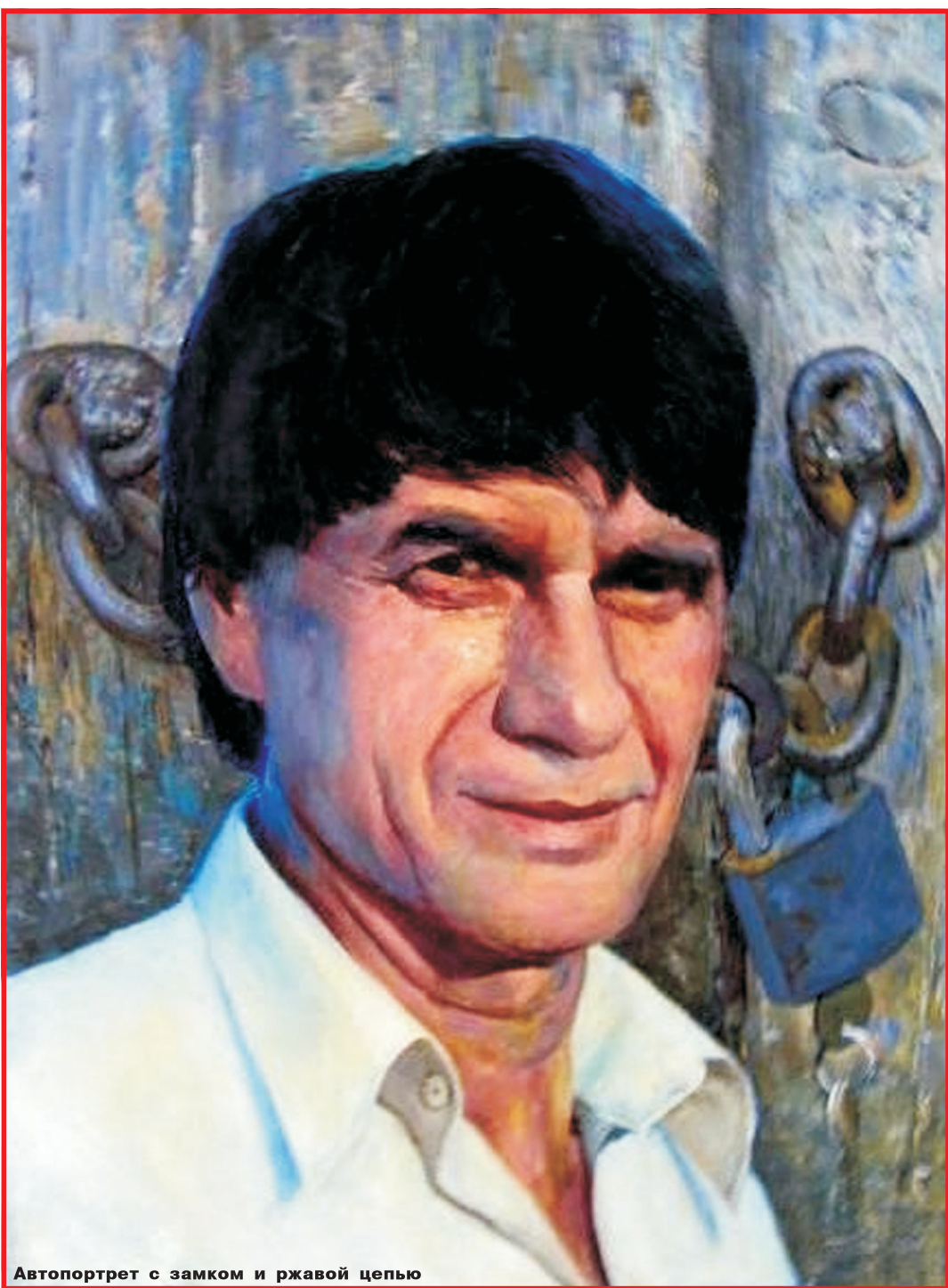

*Характер мой и моя внутренняя суть
Не ищут славы и не жаждут комплиментов.
Из всех путей я выбрал самый трудный путь,
На нем я никогда не встречу конкурентов.
Не жду ни почестей, ни пустозвона меди...
Давно постиг я смысл истины простой:
Чем больше терниев преодолел ты на пути к Победе,
Тем слаще будут для тебя плоды Победы той...*

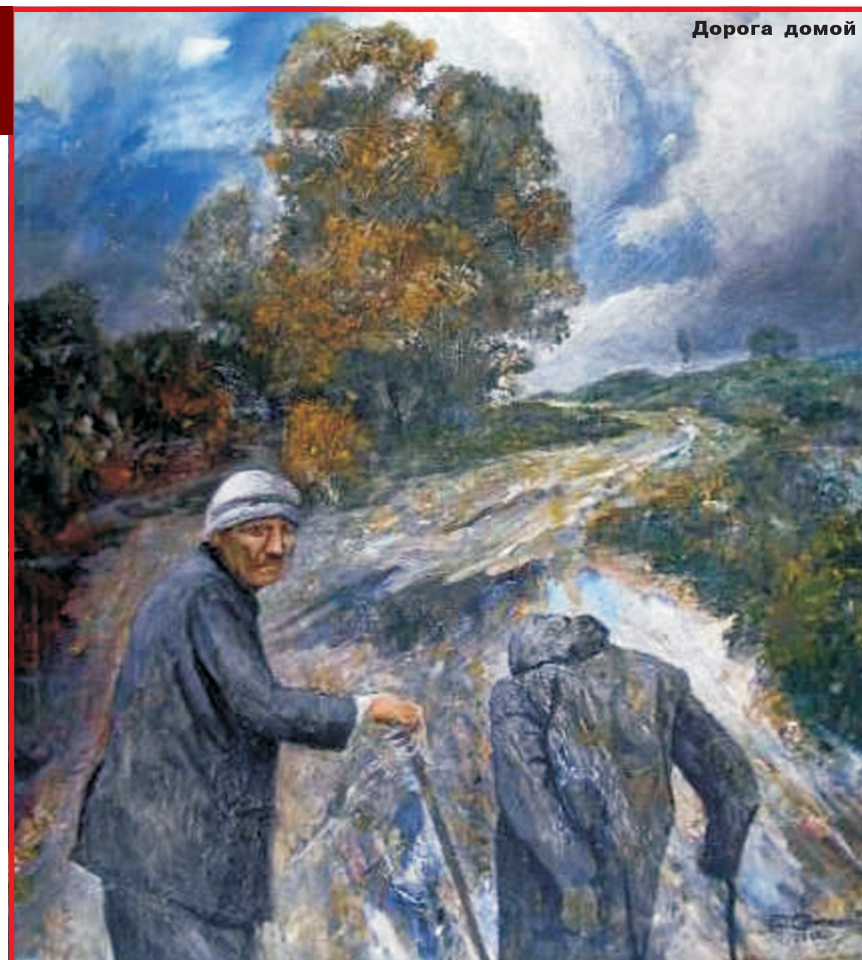

С родителями

Рустем Эмин

Автопортрет с замком и ржавой цепью

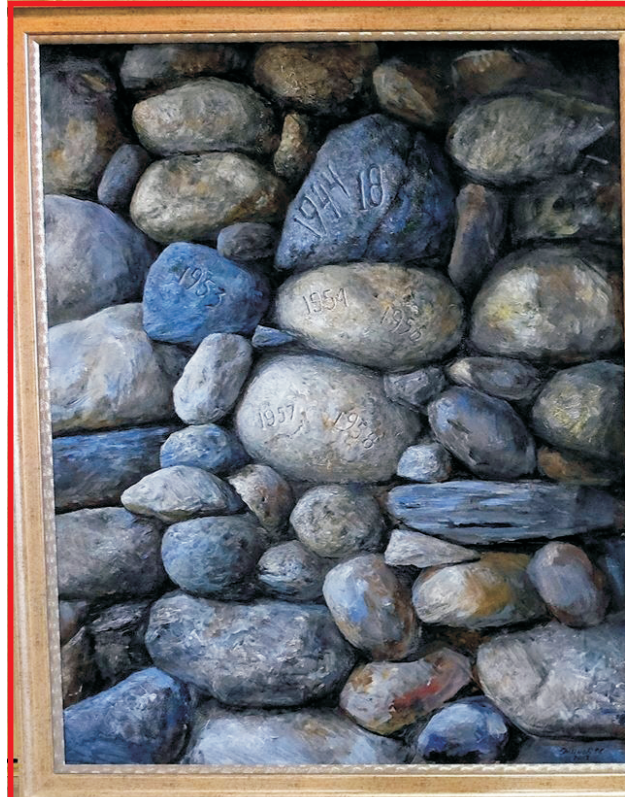
Дорога домой

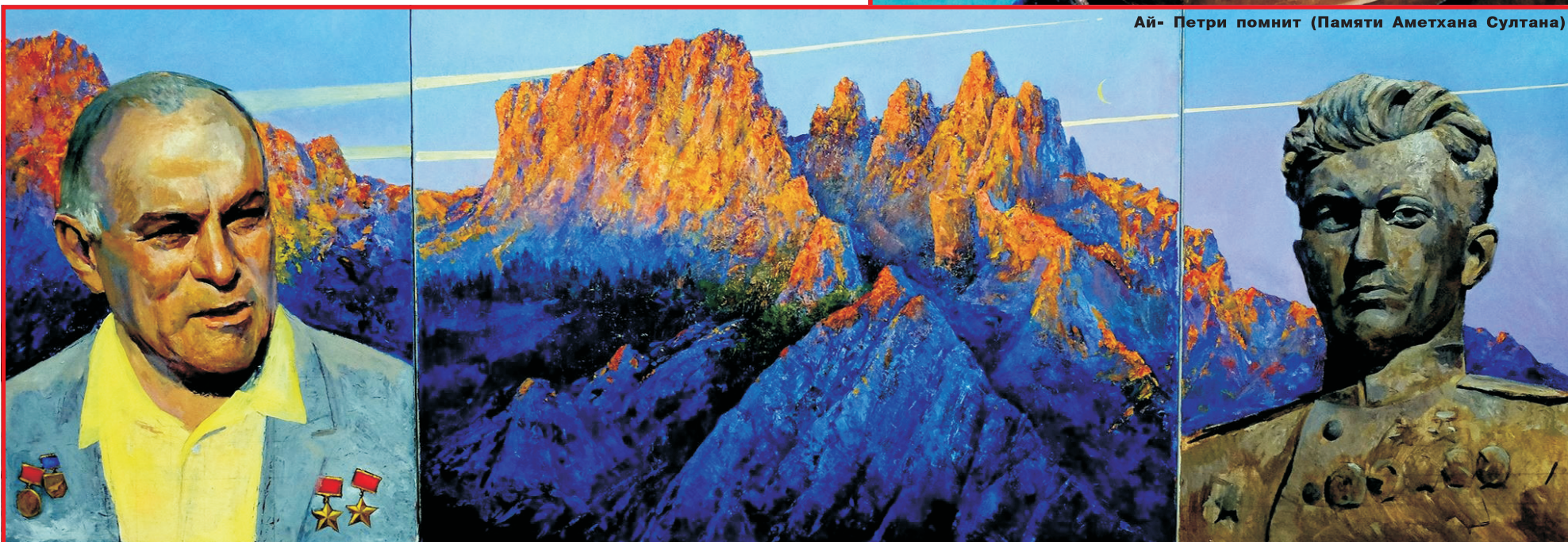
Обыкновенный вандализм

Гордость народа

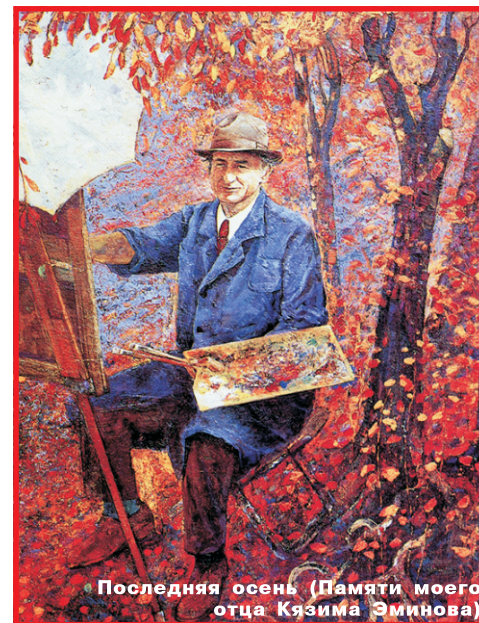
Стена. Годы. События

Ай-Петри помнит (Памяти Аметхана Султана)

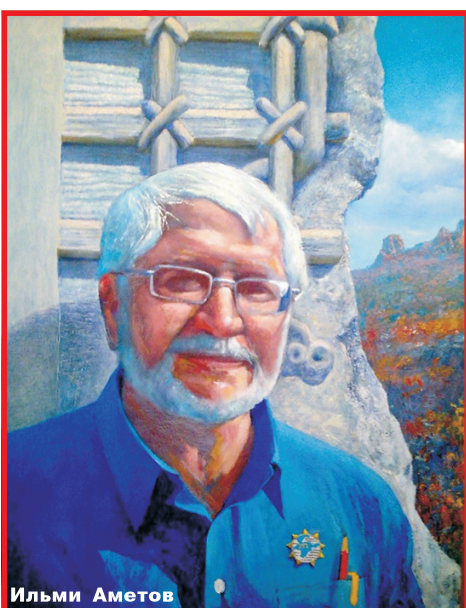
Портрет Абдурешита Медиева

Последняя осень (Памяти моего отца Кязима Эминова)

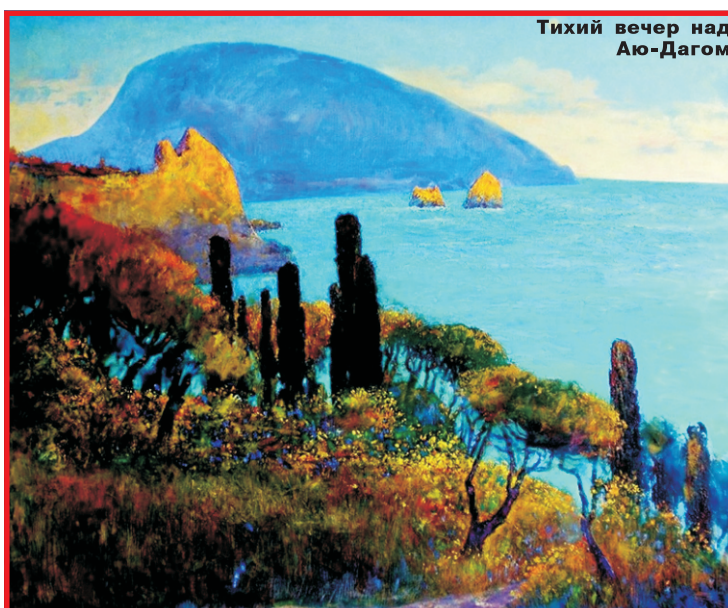
Победители 2018 г

Ильми Аметов

На вершине 1999 г

Тихий вечер над Аю-Дагом

Черное солнце (Жертвам сожженных крымскотатарских деревень)

Унутма

Охваченный единственным стремлением
Боль сердца воплотить и в красках, и в стихах,
Я никогда не ожидаю вдохновения –
Оно всегда со мной, оно в моих руках.

Я знаю своего труда значенье.
Работая, себя я не щажу.
Который год один против течения
Я, как бурлак, тяну свою баржу.

В моей барже тяжелая поклажа,
Пускай я не по силам выбрал кладь,
В поклаже все, что я по жизни нажил,
Что по крупицам удалось собрать.

В поклаже той не золотые слитки,
Не горы златоносного песка,
Нет жемчугов, нанизанных на нитки,
В ней только боль и черная тоска.

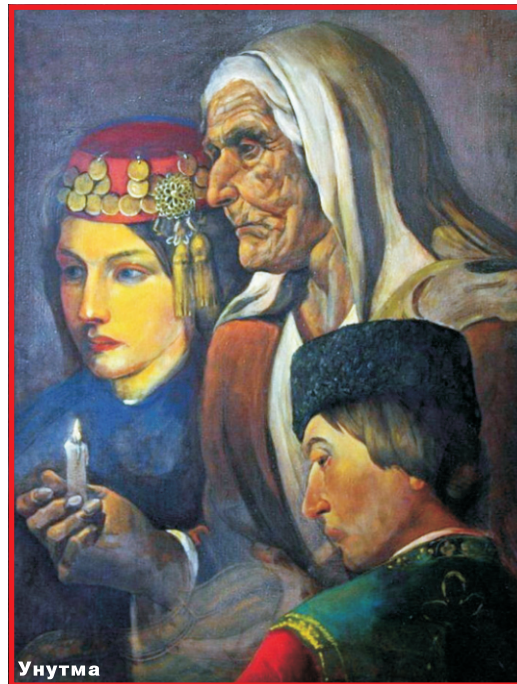
Боль, что впитал я с самого рожденья,
Боль за бесправный и униженный народ.
Она с годами стала наваждением,
Лишила сна, покоя не дает.

Она немым укором проступает
Из черной глубины моих холстов.
Как вечный снег в горах она не тает,
Никак не вырвусь из ее оков.

Порой прижмет к земле душевная усталость,
Нахлынет чувство, будто выжжено нутро.
И краски смешивать желанья не осталось,
Тогда я кисть свою меняю на перо.

Слова и рифмы нужные все ближе,
Они плывут из сердца поневоле.
Я, глядя в ночь, ушедших тени вижу
Глазами полными тоски и жгучей боли.

Рустем Эмин, 10 октября 2004 г.

Унутма

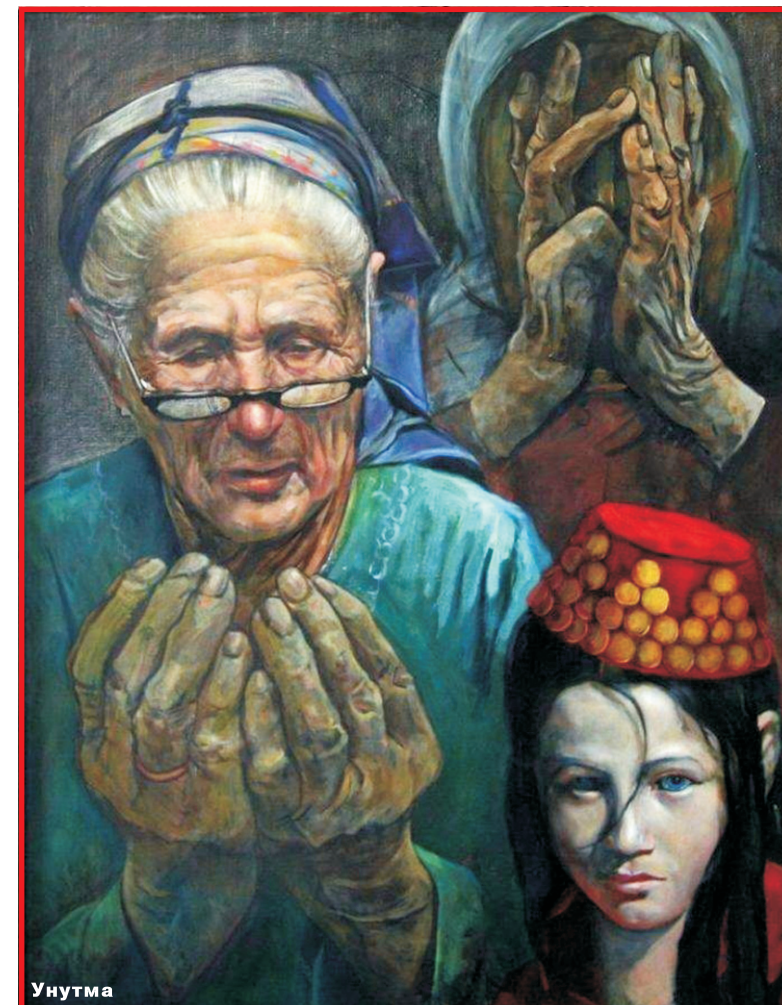
За что?

Лунная соната (памяти жертв на Арабатской стрелке)

Между прошлым и будущим

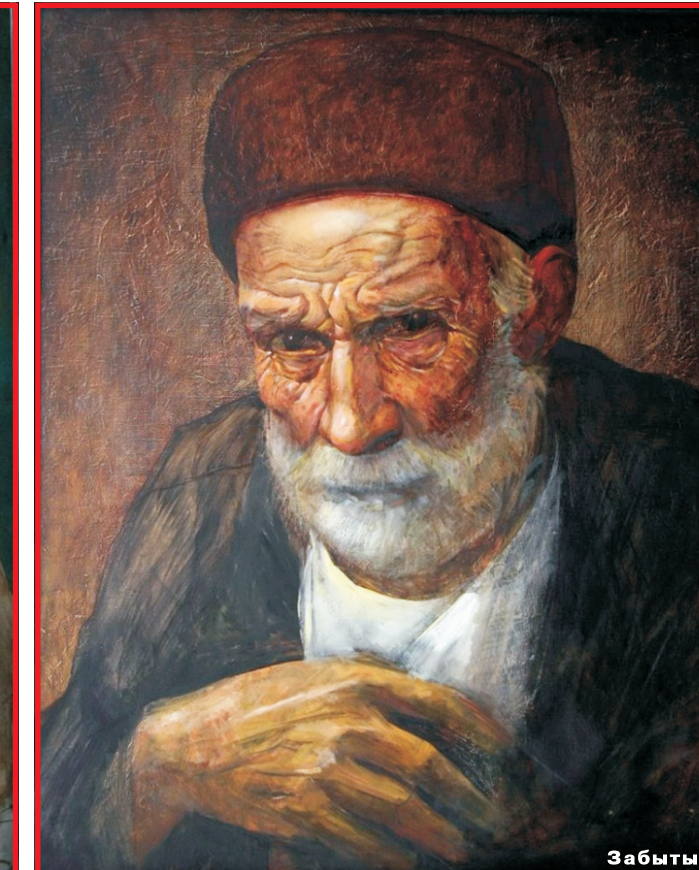
Унутма

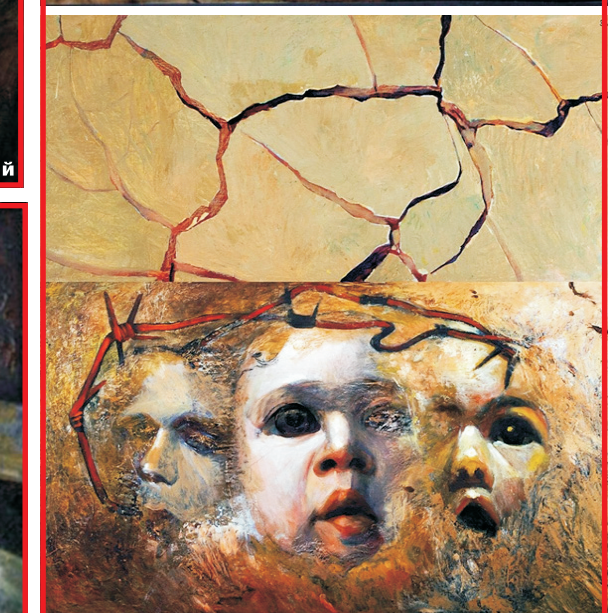
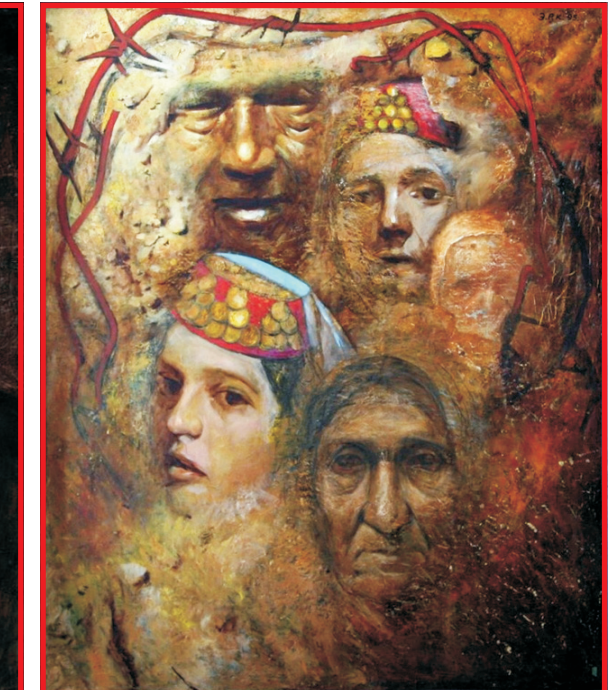
Поезд смерти

Забятая

Забитый

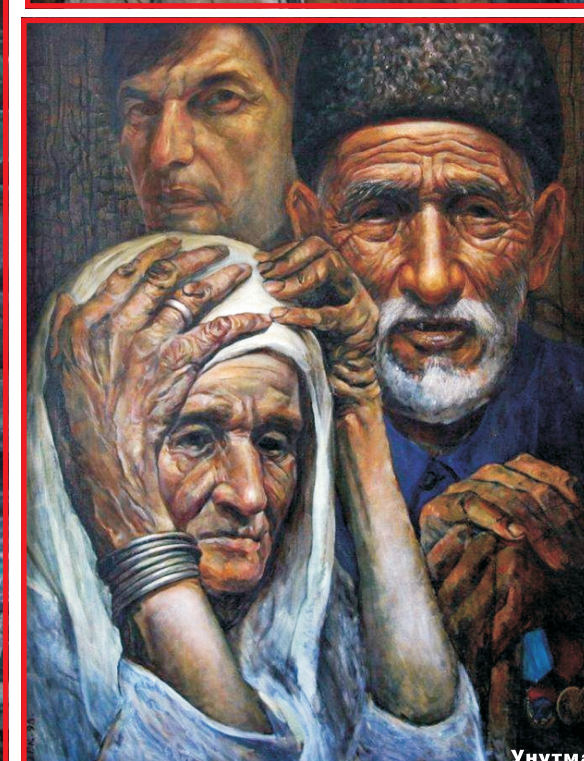
Триптих геноцид

На чужой земле

Черный рассвет 18 мая 1944 года

Унутма

Поезд смерти

За ночь вторая пачка сигарет –
И тех, смотрю, всего одна осталась.
Уже светает, рифмы нет и нет,
Не понимаю я, куда она девалась.

Нет сна, опять все мысли о тебе,
Жизнь нашу вспоминаю вновь и вновь.
Как все же благодарен я судьбе
За нашу сумасшедшую любовь!

Иные в поисках любви всю жизнь проводят,
Лишь к избранным любовь сама приходит,
Жизнь у ее избранников светла,
Я счастлив, что у нас она была.

Но почему была? Она во мне живет,
Пусть нет тебя со мной полгода
И будет жить, пока я жив, и не умрет –
Я пронесу ее сквозь годы и невзгоды.

Всегда со мною ты, во сне и наяву,
Во мраке ночи и сиянии дней.
Ты извини, что я пока живу,
Еще я миссии не выполнил своей.

Все то, о чем мечтали мы с тобой,
Теперь один я двигаю вперед
И верю, что настанет день такой,
Все, что я делаю, увидит мой народ.

Жаль, что тебя не будет в этом дне...
Как эта мысль мне сердце обжигает –
Лишь ты одна была всегда опорой мне,
И как сейчас тебя мне не хватает.

20.06.03.

Голодная степь – степь без конца и без края,
Аллахом забытые земли, где никто и ни что не живет.
В сорок четвертом году сюда из Крымского рая
В жаркое пекло был сослан безвинный народ.
Седобородые старцы, старушки, грудные младенцы,
Женщины, дет ... и возраст не важен, сто или пять.
Теперь вы не люди – теперь вы спецпереселенцы,
Навечно вы сосланы и Родины вам не видать.
Я мысленно к ним подхожу, я хочу их увидеть поближе,
Сидят на земле муж, жена, дети – одна из тысяч – семья.
Это дед мой и бабушка... живыми я их не вижу,
Умрут они скоро от голода...
И не суждено им узнать про меня.
Пятеро девочек – это тетки мои,
А самая старшая – мама.
Сидят они молча и грустно чего-то ждут,
Взоры погасли и губы сжались упрямо,
С тех пор как поели – четвертые сутки идут.
Низко склонившись...,
Чтобы не видеть голода в детских глазах,
Руками дрожащими медленно тесто катает,
Горстку муки замесила на горьких слезах.
Последняя горстка муки...
Только она у несчастных осталась,
И страшно представить –
Чем встретит их завтрашний день.
Печется лепешка... нужно ее разделить,
Чтоб всем по кусочку досталось,
Противнем служит нагретый на углях кетмень...
Время идет – как томительно медленно зреет лепешка...
Обо всем этом мама с годами поведает мне.
Эту лепешку – размером с ребячью ладошку,
Как наважденье, часто я вижу во сне...

Ташкент, 13 октября 2003 г.

Жертвам Арабатской трагедии посвящается

Как печален крик чаек, что снуют над морской волной.
В жилах кровь леденеет от того, что случится здесь вскоре.
Арабатская стрелка... Ветра шквального яростный вой.
К югу – Черное, а к востоку – Азовское море.

Баржа ржавая... В трюм набита людская толпа.
Гулко бьются сердца обреченных старух, стариков и детей.
Только ужаса маски надвинуты на черепа,
Только гневное недоуменье во взглядах из-под бровей.

Это жители узкой полоски бесплодной земли.
Их согнали сюда из крымских окрестных селений,
До которых войска почему-то дойти не смогли
В ночь народной беды – поголовного выселения.

Баржу в море уносит... Крымский берег растаял в ночи.
Берег Родины. К сожаленью, теперь уже бывшей.
Не узнает никто, и никто не услышит, кричи не кричи.
Есть кремлевский указ –
Всех людей утопить вместе с баржей прогневшей.

Как жесток человек и как холоден век, как вода холодна.
Горизонт заслоняя, вздымаются черные волны.
И за рваными тучами лик свой скорбный скрывает луна,
Преступленья свидетель единственный и безмолвный.

Там, в Азовском, на дне, в бирюзовых холодных глубинах,
Их белые кости уже никогда не найдут.
И не нужно уже ничего им, той ночью убитым безвинно,
От нас они только молитвы и памяти ждут.

19-20 января 2005 г.

Истоки или начало

Любил я с детства стариков велеречивых
И ласковых старушек, в чьих горестных морщинах
Таилась боль и в памяти жило не стерто,
Как гнали их из гнезд родных в сорок четвертом...
С волненьем слушал я с утра и до утра
О том, что пережил народ его трагичное «вчера».
А слезы из печальных стариковских глаз
Мне сердце болью обжигали всякий раз.
Они давно уж не живут... не знаю в стороне какой
Те старики свой Вечный обрели Покой.
Но стоит мне глаза закрыть и в памяти всплывают сразу
Печальные их образы и скорбные рассказы.
Тропинки детства... часто я по ним блуждаю,
От них до дней сегодняшних так далеко еще.
С тех давних дней и до сих пор я слезы вытираю
С печальных стариковских глаз... с морщинистых их щек.
И память свою, как настольную книгу листая,
Все глубже в нее ухожу – за страницей страница.
Я Болью Народа пропитан... Боль эта Святая,
Она через годы в картины мои воплотится.

22 февраля 2005 г.

Портреты, которые я назвал «Забытая» и «Забытый», написаны в один год (1998) и посвящаются моим соотечественникам, до сих пор остающимся на чужбине. С каждым годом их становится всё меньше и, уходя в Вечность, они уносят с собой тоску по Родной Земле, вернуться на которую им было не суждено.

Следы душевных ран не заживают, как на теле
Следы необоснованных наветов-ярлыков.
И с болью вижу я, как сильно поредели
Ряды старушек наших и наших стариков.
Они так тихо... незаметно угасают...,
Не досказав своих последних слов...,
Их каждый час тоска по Крыму убивает
Старушек бедных и бедных стариков.
Как с Родиной разлука долго длится...
Семь раз по десять лет...
А сколько до конца...?
И, потеряв надежду возвратиться,
В тоске их разрываются сердца...

Ташкент, 1999 г.

Жертвам сожженных крымских селений

Огонь лишь на мгновение руки моей коснулся,
Ладонь отдернул я, предотвратив ожог...
И в этот миг во мне сюжет проснулся,
Сюжет о тех, кто от огня бежать не мог.

Как метроном, в висках кровь гулко застучала,
Селения Саблы, Пычки, Коуш, Бия-Сала.
Хочу понять, где той беды конец... а где начало.
Так тема скорбная сама в меня вошла.

Буюк-Янкой, Тавель, Бешуй... названия селений,
Народ названия эти помнит по сей день.
Пусть бросит в меня камень тот, в ком есть еще сомненья,
Кем были жители тех выжженных под корень деревень.

Хатыни пепел разлетелся по планете,
Мне кажется, уже давно пора пришла
Кричать о том, как пеплом стали старики и дети,
Чтоб мир узнал и о тебе, Улу-Сала.

Живьем сжигать детей – вершина мракобесья...
Закрыв глаза, я видел черный дым, как он тянулся ввысь,
И вместе с ним летели души в поднебесье,
Горевших заживо стенания неслись.

Бежать?... Куда бежать, когда закрыты двери?
Как убежишь, когда окопы на ногах?
И каждый дом кольцом замкнули звери
В обличье человечьем с автоматами в руках.

В огне горят сердца, горят глаза, горят красавиц косы,
Во чреве матерей горят младенцы, не увидевшие свет.
За что? Зачем? и Почему? – Есть лишь вопросы...
Вопросов множество... Ответов только нет...

Огонь свирепствует и силу набирает,
Утихнет он, когда все будет сожжено дотла,
Когда от жителей и их селений Крымских
Останется лишь пепел и зола...

Я, завершая стих, хочу просить нам вслед идущих,
Все, что минуло, в памяти хранить...
Мы нить... связующая прошлое с грядущим,
Всего лишь нить... всего лишь только нить...

Симферополь, декабрь 2015 г.

Из двухсот с лишним тысяч моих соотечественников,
изгнанных из Крыма в первые два года жизни под
чужим небом и на чужой земле от невыносимых бытовых
условий, от болезней и голода погибли сорок шесть
целых и две десятых процента от общего числа спец-
переселенцев. Помни!!!

Сорок шесть и две десятых

Я вижу зону в проволоке ржавой и колючей,
Здесь умирал Народ мой и, повсюду землю вспучив,
Взошли холмы могил и полустертых знаков,
Рожденья годы разные... год смерти одинаков!

Стою я и смотрю вокруг печалью и тоской объятый,
Спит Вечным Сном в чужой Земле Народ невиноватый.
Как призрак страшных лет встает в слепящем свете
Чудовищный пейзаж Погибели и Смерти!

Здесь низость на крови, жирея, возвышалась,
Топтала мой Народ – убить пыталась.
Здесь Память черная живет, здесь настоящий ад,
И слезы – что в глазах моих – туманят взгляд!

Здесь Слуги Сатаны залили кровью землю,
А я стою, молчу... и стою ветру внемлю...

Ташкент, 2004 г.

Из давнего и полузабытого...

Когда тоска, как волк голодный, душу гложет,
Когда не в силах я преодолеть беду,
И знаю, что никто мне не поможет,
Я в Лунный Свет за помощью иду.
В тиши ночной один брожу в молчанье
И впитываю сущностью своей
Салгира древнего хрустальное журчанье
И серебристый шёпот старых тополей.
Я в омуты манящих грёз всецело погружён,
Неисправимый фантазёр... мечтатель,
Мне тесен мир земной и взгляд мой устремлён
В пространство звёздное, где царствует Создатель.
В безбрежных небесах витает Дух мой снова,
Где Лунный Свет течёт в пучине чёрной сажу.
Он ищет там Сверкающее Слово,
Что мысль разрозненную воедино свяжет.

Симферополь, июнь, 2006 г.

"Чем тебя со мной и уже не будет..."

Тридцатого декабря – День Памяти моей покойной супруги Эминовой Рахие (03. 02. 1950 – 30. 12. 2002)
Аллах рахмет эйлесин. Азиз рухуна эль-Фатиха...
Амин

Тропою памяти бреду я в день вчерашний,
И слезы горькие стекают по лицу.
Там снова пляшет смерть свой танец страшный,
Там жизнь любимой приближается к концу.
Который год, как нет ее со мною,
Но боль потери жжет, как и вначале,
И льются из души моей большой
Потоки нежности с потоками печали...

Эти грустные строки родились недавно. Уже девятнадцать лет накануне наступающего Нового года память возвращает меня в тот трагический двадцать девятый день декабря – последний день пребывания в этом мире моей супруги, с которой в любви и согласии было прожито без малого тридцать лет. Сегодня я хочу в этом маленьком эссе и поэтических текстах оживить ее образ для себя и для всех моих многочисленных друзей. Ведь ушедшие живы, пока мы их помним...

Иногда мои воспоминания снова приводят меня к этому дому... Это тот самый дом, к которому я подошел однажды в теплый осенний вечер с тонким серебряным полумесяцем в небе, окрашенном в цвета нежной бирюзы. Ты живешь в этом доме и учишься на первом курсе политехнического института. Вот и все, что я пока знаю о тебе. Хотя нет. Еще я знаю, что ты будущий архитектор, и у тебя нет дефицитной на то время рулонной ватманской бумаги для твоих грандиозных архитектурных проектов. Об этом сегодня утром мне сказал мой отец, вручив большой рулон и твой адрес. Твои родители дружили с моими уже давно, и, видимо, бумагу я нес тебе по их просьбе. Вот я на третьем этаже перед твоей квартирой под номером двадцать два на входной двери. До первой встречи и знакомства с тобой остается время, равное трели дверного звонка, к пуговке которого я уже протянул свою руку...

Как четки медленно перебираю годы,
Иду с конца их в самое начало
Туда – в наш первый день осенний теплый
Туда, где золото с деревьев облетало
И мы с тобой под этим листопадом
Идем. В моей руке твоя рука...
Вдвоем – нам больше ничего не надо
Мы влюблены, мы молоды, и жизнь легка
Весь Мир – Любовь Вселенная – Любовь
И мы с тобою в ней, как две песчинки
Любви сердца и души обнажив,
Соединились наши половинки.
На ветках весело щебечут птицы,
В душе и сердце музыка звенит.
А в Книге Жизни еще чисты страницы
Нам вместе их заполнить предстоит

Тройка тройки – девятка – единица – восемьдесят два... Три – три – девять – один – восемь – два... И так через каждые пять минут. Что это? Бред сумасшедшего? Три... три... девять... Небольшой перерыв и снова – тройка... тройка. Сегодня мы должны были встретиться, но у меня что-то изменилось, и я не могу приехать. Я далеко, и не знаю, где ты. Между нами стена проливного дождя. В это время ты уже должна быть дома, но тебя нет. За стеклом что-то похожее на всемирный потоп. Мое жалкое убежище – телефонная будка – трясется от порывов ветра. От невозможности узнать, где ты и что с тобой, на сердце появляется тяжесть и тревога. Завтра при встрече ты расскажешь мне, что утром ушла без зонта и переждала ливень у одной из своих многочисленных подруг... Но это будет завтра... А сейчас – весенняя гроза, которой не видно конца, телефонная трубка в моей руке и бесконечные тройка... тройка... девятка... два... восемь... один...

По весенней улице легкой стремительной походкой движется высокий, стройный юноша с большим букетом горных тюльпанов. Он куда-то спешит, и весь его облик светится радостью. Кто это? Это я, только что вернувшийся из поездки в горы, где был на

этиодах с группой молодых художников. Мне хочется скорее увидеть тебя...

А этот человек средних лет с потухшим взглядом, полным тоски и безысходности. Кто это? Это тоже я... Я в нашем опустевшем доме, в котором нет тебя, и уже никогда не будет. В доме, где еще недавно звучал твой смех и еще осталось твое тепло... Между печальным человеком и стремительным юношей с букетом тюльпанов лежит отрезок времени, протяженностью в тридцать лет...

Мы родились в один год, но ты старше меня на семьдесят дней. Твой месяц – февраль. А мой месяц – апрель. Каждый год, начиная с третьего февраля, я в шутку обращаюсь к тебе на «Вы». Так продолжается до тринадцатого апреля. В этот день я по возрасту догоняю тебя, и мы опять становимся ровесниками... Почему я вспомнил об этом сейчас? Не знаю. Видимо, потому, что пришло осознание того, что ровесниками мы уже не сможем быть никогда.

Тридцать первого декабря, после твоих похорон, в последний час уходящего года я вместе со своей бедой вышел в праздничную ночь. Из ярко освещенных окон доносилась веселая музыка, слышались смех и мелодичный звон хрустальных фужеров... Народ встречал новый две тысячи третий год... А я нес свою беду по пустынным улицам и, дав волю слезам, нанизывал на нить душевной тоски горькие строки боли и своей трагичной безысходности...

Топчут черный снег черные ботинки,
В воздухе кружатся черные снежинки.
В этот поздний час не видать прохожих.
На душе темно и на сердце тоже,
И от мыслей черных в жилах стынет кровь
Под землю черной ты, моя Любовь,
Нечем стало жить, ужас душу студит.
Нет тебя со мной... и уже не будет
Черный шар земной... черное вращенье
В черной пустоте черные виденья
Звезды в черной мгле... да и тех негусто
На душе темно, и на сердце пусто...

Эти строки родились в новогоднюю ночь. В первую мою ночь без тебя. Ночь, с которой начался отсчет моего одиночества...

С того времени прошло уже девятнадцать лет, и все эти годы я веду с тобой диалог об изменениях произошедших после твоего безвременного ухода. Рассказываю о жизни на Родине, куда мы так стремились и мечтали с тобой вернуться. И кто бы мог подумать тогда,

что вместо жизни в Крыму судьба приготовила для тебя место на ташкентском кладбище «Минор», где уже покоились мои родители и наша первая дочь Лилечка. Рассказываю, как мне, с помощью Аллаха, удалось привезти в Крым наше совместное детище – серию картин «Унутма» о народной трагедии, работая над

которой я постоянно советовался с тобой и считаю тебя своим полноправным соавтором. Всякий раз на многочисленных вернисажах и презентациях я сожалел о том, что тебя нет со мною рядом

... всегда со мною ты – во сне и наяву
Во мраке ночи и в сиянье дней
Ты извини меня, что я пока живу
Еще я миссии не выполнил своей
Все то, о чем мечтали мы с тобой,
Теперь один я двигаю вперед
И знаю, что наступит день такой
Все, что создали мы, увидит наш народ
Жаль, что тебя не будет в этом дне...
Как эта мысль мне сердце обжигает
Лишь ты одна всегда была опорой мне,
И как сейчас тебя мне не хватает...

Узакъ улъкелерде къалгъан къабыринъ нурларгъа толсын Алла Рахмет эйлесин Азиз Рухуна эль фатиха Амин
Рустем ЭМИН

ЗУЛУМ КЪУРБАНЛАРЫ

Амди Гирайбай

Ильяс Тархан и
Асан Сабри Айвазов

Усеин Боданинский

Бекир Чобанзаде

Юрий Османов

Муса Мамут

Умер Ипчи